

БЕСПРИМЕРНЫЙ ВЗЛЕТ

О черк

Попытка майора Ф. А. Жмурова посадить 21 июля 1942 года тяжелый воздушный корабль на Караби-Яйле потерпела неудачу. 22 июля 1942 года командующий партизанским движением Крыма полковник М. Т. Лобов отправил с летчиком Северо-Кавказской авиагруппы Красновым на самолете ПО-2 начальника разведки 2-го района Илью Васильевича Харченко. Ему поручалось доложить командованию о причине аварии самолета ТБ-3. Одновременно предстояло доказать военному совету фронта, что посадка тяжелых кораблей на горных площадках Крыма возможна. Нелегко было это сделать. Но Харченко справился.

Летчик 325-го бомбардировочного полка майор Георгий Васильевич Помазков и штурман эскадрильи капитан Николай Семенович Фетисов имели уже большую практику ночных полетов. В 1941 году Г. С. Помазков был сбит под Белгородом. Приземляясь на парашюте, он повредил себе ноги. Началась мучительная болезнь — закупорка вен. Но летчик любил небо. Превозмогая недуг, он продолжал полеты. На земле же его спутником стала трость, с которой он никогда не расставался. 11 сентября 1942 года Г. С. Помазков и Н. С. Фетисов вылетели в Крым на ТБ-3 с более мощными моторами. На борту тяжелого бомбардировщика — полная загрузка продуктов питания.

Помазков точно вывел тяжелую машину на приготовленную партизанами площадку и с бреющего полета сбросил груз прямо возле сигнальных костров.

Еще пять ночей подряд экипаж майора Помазкова совершал полеты к

партизанам. С борта и бомбовых люков он сбрасывал продовольствие, медикаменты, боеприпасы. Но на Большую землю посылались радиogramмы с просьбой о посылке, тяжелых самолетов с посадкой. Сотни больных истощенных партизан нуждались в серьезном лечении. Наконец совет фронта решил послать представителя авиации для организации посадок тяжелых самолетов на площадках Караби-Яйлы.

Только через 25 лет мне удалось разыскать этого представителя. Им оказался ныне гвардии подполковник запаса Николай Семенович Фетисов. Двадцатого апреля 1967 года мы встретились с ним на квартире бывшего комиссара партизанского движения в Крыму Николая Дмитриевича Лугового. В памяти и по документам восстановили события тех дней, тот беспримерный полет, сравнить который можно, пожалуй, с первыми полетами в Арктике, к полюсу, с посадкой самолета на ледовое торосистое поле. Н. С. Фетисов писал мне в письмах об этом полете 27.IX.42 г.

«...26 сентября за завтраком к нам подошли председатель Совнаркома Крымской АССР т. Сейфулаев и секретарь обкома партии П. Р. Ямпольский. Состоялся такой разговор:

— Товарищ Помазков, если бы вы были уверены, что посадка вашего самолета у партизан Крыма возможна, вы бы полетели? — спросил Петр Романович Ямпольский.

— Конечно, — не задумываясь ответил Помазков.

— Полковник Лобов сообщил нам, что нашел площадку, пригодную для

посадки и взлета ТБ-3. Но все же он хотел, чтобы летчик, который будет совершать полет, предварительно осмотрел ее сам.

Помазков задумался. Наступило какое-то неловкое состояние. Обстановку разрядил я.

— Петр Романович, Помазков отличный летчик, но лететь для осмотра площадки он не может.

Я рассказал секретарю о болезни Помазкова и предложил свои услуги.

— Вы же, товарищ Фетисов, штурман. Что даст летчику ваше заключение?

— Заключение штурмана будет для меня таким же, как если бы я слетал на разведку сам, — ответил Помазков.

Секретарь обкома рассказал нам, что он более недели был у партизан Крыма, ознакомился с положением. Партизанам очень нужна сейчас помощь. Военный совет фронта разрешил этот полет.

— Когда вы сможете вылететь? — спросил Ямпольский.

— Хоть сегодня! — ответил я.

— Это деловой разговор! Едем сейчас же в Сочи, там капитан И. Ф. Исаев подберет опытного летчика.

Для полета был назначен Николай Алексеевич Огарков. Он быстро организовал подготовку самолета, и с наступлением ночи мы вылетели в Крым. Через четыре часа самолет приземлился у партизан».

А вот партизанский дневник Н. Д. Лугового. Ему четверть века! Бумага пожелтела от времени, истрепались обложки тетрадей. Некоторые заботливо оклеены парашютным шелком. Партизанский комиссар день за днем описывал будни народных мстителей. В тетради № 2 запись о Г. В. Помазкове.

«27.1X.42 г. прилетел капитан Фетисов, бортовой штурман. Встретили его холодно: «Зачем летаете? Что смотреть, если не хотите...» — в этом тоне.

Сухошавый, стройный, скупой на слова капитан не обиделся.

— Завтра днем посмотрим насчет

тяжелых самолетов, а сейчас помогите замаскировать машину».

Далее Н. Д. Луговой в дневнике пишет: «Днем разобрались. Оказывается, это самое реальное дело.

Член экипажа тяжелого корабля по собственной инициативе решил ознакомиться с предлагаемой площадкой, на которую предстояло посадить сложную боевую машину. Одновременно ставилась задача доказать, что на площадке возможна посадка и самолетов ПС-84.

Смотрели обе площадки: первую со взлетно-посадочной полосой в 600 метров и вторую в 1200 метров. Фетисов остался доволен. Вернулись в лагерь. Мы показали не только партизанские аэродромы, но » ради чего летчики должны рисковать. Фетисов увидел больных детей, истощенных и тяжело раненных партизан. Впечатление потрясающее, кажется, «обрабатывать» штурмана больше не надо.

Вечером, прощаясь, подарили ему скромный подарок — письмо-благодарность за совершенные им ранее полеты к партизанам Крыма и трофейный немецкий автомат.

Фетисов сказал:

— Завтра точно в 21-30 встречайте самолет».

Н. С. Фетисов описывает дальнейшие события так.

«С Помазковым я встретился у него на квартире. Болезнь обострилась. Он с трудом двигался. Когда шли в штаб, я поражался его мужеству. Превозмогая боль, он старался идти твердой походкой, расспрашивал:

— Рассказывай, что там, не обращай на меня внимания.

Выслушал, спросил:

— Куда лучше садиться?

— Сажать самолет будем на второй площадке. Она не менее километра. Правда, напоминает огромное блюдо, но лучшего в горах ждать нельзя. И еще... Площадка находится под контролем врага. Но полковник М. Т. Лобов заверил, что на время посадки и взлета ни один немец не подойдет на опасное для

самолета расстояние. С аэродромной командой, которую организовали партизаны, я договорился об опознавательных сигналах и расположении посадочных костров.

— Так что, Коля, летим?

— Летим, Гриша!

Я пожал Помазкову руку.

Казалось, недуг оставил летчика, и он, опираясь на трость, заспешил к штабу».

В своем дневнике полковник Хачатур Сергеевич Петросянц, бывший комиссар 325-го бомбардировочного авиаполка, об этом событии записал:

«27—28.IX.42 г. шла усиленная подготовка самолета ТБ-3-ПН. Командование назначило командиром корабля опытного летчика майора Г. В. Помазкова, вторым пилотом—летчика Николая Павловича Малярова, штурманом—Н. С. Фетисова. Технический состав проявляет особое отношение к подготовке самолета. Первый тяжелый самолет должен произвести только успешную посадку у партизан Крыма и такой же взлет. Экипаж тщательно готовится к полету».

29.IX.42 г. в 18 часов 55 минут самолет произвел взлет. Без круга над аэродромом, с правым разворотом лег на курс. Н. С. Фетисов вспоминает:

«Постепенно удалились от берега. По траверзу Сочинского мыса определили путевую скорость, В дальнейшем береговая черта просматривалась очень смутно и с ухудшением погоды совсем была потеряна. Густая дымка, окутав побережье, скрыла береговую черту, затруднив визуальную ориентировку. Часа через два в темноте безлунной ночи обозначился крымский берег. Помазков уверенно развернул самолет влево и взглянул на меня. В знак согласия с действиями командира экипажа я кивнул головой. Впереди хорошо различаем темные линии уходящих в глубь полуострова ущелий, там текут речки. Серебристая змейка воды позволяет восстановить детальную ориентировку. Снижаемся. С правого борта самолета, как бы отодвигаясь в сторону,,

показалась обрывистая вершина Чатыр-Дага. Она медленно поднимается выше горизонта. Самолет скользит вдоль ущелья, сейчас оно раздвоится. Через пять секунд Помазков разворачивает самолет влево. Правильно — впереди костры партизанской площадки...»

О том, что было в это время на земле, у партизан, рассказывает дневник

Н. Д. Лугового.

«28 сентября. Сегодня торжественный день. Все готовятся к встрече самолета ТБ-3. Условленной радиограммы «Встречайте Помазкова» нет. Ждали ее утром, днем, наступил вечер. Партизаны ходят возле штабной землянки. На лицах немой вопрос, что сообщила Большая земля. Я составил текст письма экипажу, подготовил митинг, подобрал крепких ребят, чтобы можно было торжественно подбросить на руках летчиков в воздух. Полковник М. Т. Лобов собрался вручить в торжественной обстановке трофейный маузер командиру экипажа. Письмо на имя командира экипажа одобрено всеми.

Командиру корабля майору Г.

С.Помазкову.

Дорогой товарищ Помазков!

От имени бойцов, командиров и политработников партизанских отрядов Крыма приносим Вам сердечную благодарность за успешное решение задач по оказанию нам продовольственной помощи и эвакуации больных и раненых партизан.

Одиннадцать месяцев боремся мы с проклятыми оккупантами в сложнейшей обстановке. Много блестящих побед одержали над врагом во имя славного будущего нашей Великой Родины, героического советского народа и его могучей Красной Армии, во имя безграничной любви и преданности к Коммунистической партии. В эти трудные дни борьбы мы получили и получаем большую помощь Родины, ощущаем заботу о каждом из нас. По приказу Родины Вы, товарищ Помазков, со своим героическим экипажем на краснозвездном корабле прилетели к нам,

в глубокий тыл врага, разыскали в лесу партизан и мастерски сбросили нам продовольствие, а затем также отлично повторили эту операцию.

Но как и подобает большевику, Вы не обольстились этими успехами, по собственной инициативе осуществили посадку и взлет сложного корабля на партизанском аэродроме и вывезли на Большую землю десятки больных и раненых партизан.

За Вашу преданность делу борьбы с врагом, за Ваше мастерство, смелость и отвагу, за Вашу инициативу в деле помощи партизанам с чувством великой радости и благодарности передаем Вам и вашему славному экипажу наше партизан-скос, сердечное СПАСИБО, наш большевистский привет. Вручаем Вам наш скромный подарок — трофейный маузер № 681730 и желаем новых успехов в священной борьбе за Родину, за полную победу над врагом.

Командующий партизанским движением Крыма полковник ЛЮБОВ.

Военный комиссар, батальонный комиссар ЛУГОВОЙ. 29.9.42 г. Крым».

Николай Дмитриевич подробно рассказывает в своем дневнике о томительных минутах ожиданий прибытия самолета.

В огромной воронкообразной чаше, поросшей кустарником и деревьями, подготовлено все, чтобы обеспечить успешную посадку. Тут же на сухой траве больные партизаны, партизанки, истощенные голодом дети. Нелегко был их путь сюда. Раненых, больных из лесов Яман-Таша доставили сюда друзья-партизаны. Глубокое ущелье и река Суат была сложной преградой. Далее большой утомительный подъем до высоты 830 метров над уровнем моря. Нелегко идти в горах и вполне здоровому человеку. Какую же надо иметь силу воли, чтобы, отбиваясь от врага, дойти к намеченной цели.

...Огромный самолет появился внезапно. Он вынырнул из-за леса Кара-Тау. Заметив огонь партизанского «аэропорта», ответил условным

сигналом. В ту же секунду засветились огни костров.

— 21-30. какая точность! — громко сказал Лобов.

Н. С. Фетисов об этом пишет так: «...Я открываю люки, сбрасываю груз. Самолет сразу «вспухает» вверх. Мне хорошо видно, как к грузу бегут люди. В бортовой журнал записал время — 21-30. Значит, слово, данное партизанам, мы точно сдержали. Показываю Помазкову: «Правый разворот». Внизу не партизанская посадочная площадка, а ночной аэропорт. По всем правилам обозначены границы аэродрома линиями огней и светящееся посадочное «Т» с направляющими огнями. Я подумал: не хватает только носадочных прожекторов.

— Гриша! — кричу я Помазкову. — Полковник Лобов здорово сработал.

Командир экипажа улыбнулся. Настроение у нас сразу поднялось.

— Вот это да. Молодцы партизаны! Постарались!

Помазков сделал заход на посадку с севера. Вот уже совсем близко посадочные костры входных ворот, границ аэродрома, мелькают первые левые огни. Пронеслось посадочное «Т». «Ну скорей! Скорей! Где же ты, земля?».

Наконец, легкое прикосновение, скрип тормозов, пробег резко замедляется. И вдруг — толчок. Самолет развернуло вправо, правая плоскость накренилась к земле.

Выходим. Правая крышка пробита. К нам подошли полковник М. Т. Лобов и комиссар И. Д. Луговой.

— Что случилось? — спросил Лобов. Но тут же все понял.

— Как быть? — Предлагаю самолет сжечь, летчиков отправить на Большую землю на ПО-2.

Эх, полковник, подумал я. Сжечь самолет — это значит навсегда сжечь надежду на полеты тяжелых транспортных самолетов к партизанам Крыма. Вспомнил посещение партизанского госпиталя, где на сухой листве лежало двадцать истощенных, умирающих партизан. Многие не могли даже говорить. Только живые глаза с

мольбой и надеждой смотрели мне вслед. Эти глаза теперь вновь смотрят с надеждой на меня.

— Гриша, что решил?

— Не знаю. На одном колесе еще никто не взлетал.

Помазков обнял меня за плечи и повел в сторону от самолета. Он шел молча. Потом сказал:

— Можно, конечно, попробовать, по риск очень большой. Не взлетим — лобовой удар о скалы.

Пойдем к партизанам, обдумаем, что предпринять.

На гребне каменистой площадки, возле партизанского аэропорта, на легких носилках лежали раненые. Они жадно смотрели на летчика, ожидая, что он скажет. Они ожидали слова «да» или «нет».

«Да» — означало жизнь. «Нет» — только смерть. Если не улетят, умрут в пути.

— Товарищи, с самолетом случилась авария. При посадке пробита крышка. В истории авиации случаи посадки на одно колесо были. Но вот взлететь на одном колесе... Я решил взлететь. Гарантию безопасности дать не могу. Постараюсь сделать все возможное. Кто согласен лететь со мной?

— Летим! Согласны! — послышались голоса.

— Несите раненых к самолету, производите посадку, — приказал Помазков.

Радостный гул одобрения разнесся среди партизан, окруживших летчика. В самолет погрузили раненых. М. Т. Лобов поднес Григорию маузер и письмо.

Поблагодарив Лобова, летчик не принял подарка.

— Не за что. Если взлечу, то подбросьте это мне в воздух, — сказал он шутя.

Здесь же, под крылом самолета, Фетисова приняли в почетные партизаны. Перед самым взлетом Лобов все же вручил одному из членов экипажа маузер и письмо для Помазкова.

Взревели моторы. «Взлетит или разобьется?» — думал каждый.

...О беспримерном в истории авиации взлете огромного бомбардировщика ТБ-3 с 20 пассажирами на борту и семью членами экипажа рассказал мне Н. С. Фетисов через четверть века, при нашей встрече на квартире Н. Л. Лугового, в Крыму. «Помазков построил экипаж. — Я решил произвести взлет. На борту должны быть штурман и борт-механик. Остальные могут остаться здесь. Вас позже отправят на Большую землю. Желаящие лететь в составе экипажа могут остаться на самолете, как добровольцы.

Мы очень обрадовались, когда увидели, что весь экипаж занял свои места и приступил к работе. Люди верили командиру, верили в возможность взлета.

Помазков увеличил газ на втором, третьем и четвертом моторах. Самолет тронулся, стал медленно набирать скорость. Увеличив газ, командир как бы прошупывал поведение самолета на взлете. Скорость разбега возрастала. Пройдена половина взлетной полосы. Медленно увеличивает летчик газ на правом моторе. Он пробует перевалить самолет на левое колесо. На какое-то время это ему удается. Тут же взревели все четыре мотора. Газ — до отказа. Скалы с ужасающей скоростью надвигаются, но мы уже в воздухе. Скорость быстро нарастает. Самолет успел набрать высоту. — Ура! — закричал я во все горло и крепко обнял Помазкова.

Победило желание сохранить боевой дух партизан, доказать всем, что полеты тяжелых машин к партизанам возможны.

Посадку на одно колесо совершили удачно. Через несколько дней самолет отремонтировали, и мы сделали на нем не один десяток боевых вылетов».